

Вяч. ИВАНОВ

Литературная хроника

Александр Блок. Ночные часы

<...>

Но, если мы обратимся к самому симпатичному из более молодых лириков, чей талант не уступает в силе Бальмонтскому — я имею в виду Александра Блока, только что выпустившего новый сборник «Ночные часы», волшебство стихов которого по их певучему и мучительному душевному воздействию подобно лишь звукам скрипки, — мы встретим совершенно иной строй чувствований, нежели солнечный пантеизм Бальмонта. И, поскольку в истинно лирическом создании всегда слышно волнение души народной, мы должны заключить, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страждет от нравственных ран, нанесенных войной и крушением великих надежд, которые ее смущенная вера связывала с днями так называемого «Освободительного Движения». В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны; и вот духовным взором провидит он близящийся натиск монгольской силы; снова должно повториться Куликово поле; еще раз на поле брани мы должны отстоять наши сокровенные святыни от темных и многочисленных азиатских полчищ. Но сломаны крылья духа.

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?

И далее:

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

Но, сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровый росток. Этот росток — страстная всепоглощающая религиозная любовь к стране. Это — сомнение верующего, не отчаяние безверья. Неудовлетворенность настоящим, ужас перед будущим скрывают мистическое семя, которое, когда оно умрет и прорастет в земле, принесет зерно освобождения духа¹ великого национального движения к святыням народным.

